

НЕОЛОГИЗМЫ В ПОСТСОБЫТИЙНОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ. КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.И. Ерпилова

*Старший преподаватель
кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: elena-erpilova@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье представлены некоторые особенности постсобытийного регионального дискурса с точки зрения лексико-семантического наполнения, в частности, в сфере неологизации. Материалом выступает региональный паблик «Курский БомондЪ», представляющий собой площадку для обсуждения событий, наиболее актуальных для жителей города (и области). Отмечается актуальность научных исследований в данной области с учетом невысокой степени разработанности рассматриваемого типа постсобытийного дискурса (в особенности в выбранном ракурсе) и важности развития регионалистики в целом. Цель работы – установить, могут ли неологизмы, функционирующие в постсобытийном региональном дискурсе, являться средством конструирования региональной идентичности. В исследовании применены методы теоретического анализа, индукции, обобщения теоретических и экспериментальных данных, классификации, количественного анализа. Описан метод отбора материала с участием группы респондентов. Выделены некоторые значимые группы нелогических единиц (неологизмы, характеризующие жителей региона с точки зрения их культурного уровня; неологические единицы, связанные с пандемией Covid-19; а также неологизмы, относящиеся к особенностям коммунального хозяйства). Определены направления дальнейших исследований. Сделан вывод о том, что в данном типе дискурса неологизмы частотны и способны служить инструментом конструирования региональной идентичности и ее составляющих: социальной идентификации, культурной и др. При этом преобладает негативная окраска создаваемых образов (в частности, когда речь идет об отрицательном отношении многих участников обсуждения к проводимым противоэпидемиологическим мероприятиям, коммунальным проблемам региона и пр.).

***Ключевые слова:** постсобытийный дискурс, региональный дискурс, региональная идентичность, неологизмы.*

1. Введение

В число самых актуальных и перспективных направлений современных научных исследований входит изучение постсобытийного дискурса, возникновение которого связано с развитием информационных технологий, популярностью разнообразных социальных сетей и интернет-сообществ. Под постсобытийным дискурсом понимают такой

дискурс (как правило, в виртуальной среде), содержание которого является откликом на некое резонансное событие или сообщение о нем. Актуальность такого рода дискурсивных исследований обусловлена тем, что они способствуют пониманию социальных процессов, описанию психоэмоционального состояния, характера отношений между членами сообществ, а также их ценностей, осмыслению опыта и созданию образа мира в сознании человека [Павлова 2018; Pavlova, Kubrak, Kochkina 2021].

На данном этапе ученые выделяют несколько типов постсобытийного дискурса: кинодискурс, семейного форума, политической интернет-площадки и др., в том числе городского форума [Зачесова, Кулакова 2019; Кубрак 2019; Павлова, Гребенщикова 2020]. В последнем случае речь идет об особой разновидности дискурса – региональном. На наш взгляд, актуальность разработки такого постсобытийного дискурса определяется рядом факторов.

Во-первых, неуклонное развитие процессов глобализации неизбежно сопровождается противостоящими им процессами регионализации [Разумовский 2010]. Соответственно, актуализируются региональные исследования в самых разных сферах, в том числе и в лингвистике, психолингвистике и т.д.

При этом одним из ключевых понятий современной региональной науки становится междисциплинарный термин «региональная идентичность». Существует множество трактовок данного термина с точки зрения социологии, экономики, политологии и пр. В настоящей работе мы, вслед за К.Е. Тумаковой, будем понимать региональную идентичность как социокультурный феномен, основанный на объективных социальных свойствах и особенностях региона (исторических, политических, экономических, культурных, его роли в общегосударственном историческом процессе и пр.) [Тумакова 2011].

Региональным исследованиям в целом и региональной идентичности в частности посвящено значительное количество работ как в отечественной науке (см., например: [Левочкина 2016; Галазова 2014; Докучаев 2011; Разумовский 2010; Назукина 2009; Назукина 2011; Крылов 2007; Берендеев 2007] и др.), так и в зарубежной [Peng, Strijker and Wu 2020; Bleam 2018; Китинг 2003; Paasi 2003, 2009] и др.

В последние годы региональная идентичность становится предметом исследования лингвистов. В большинстве работ дискурс-анализ различных аспектов региональной идентичности представлен на основе медиатекстов [Асташова 2019; Ильина 2020; Каблуков 2018; Каминская 2016; Василенко 2015 и др.] В качестве материала для изучения репрезентации региональной идентичности в дискурсе могут выступать информационные и туристические сайты, страницы в интернет-энциклопедиях,

персональные страницы пользователей Интернета [Шушарина 2016; 2018]. В меньшей степени представлен постсобытийный дискурс.

Существует большое количество исследований, посвященных виртуальной коммуникации в целом, а также жанру интернет-комментария [Романтовский 2016; Сидорова 2014; Кошель 2015; Шпильная 2021 и др.]. Однако, насколько нам известно, основные постулаты теории постсобытийного дискурса, то есть обсуждения, развертывающегося в качестве реакции на тот или иной стимул, системно изложены только в трудах коллектива авторов лаборатории психологии речи и психолингвистики речи в Институте психологии РАН [Павлова, Гребенщикова 2017; Pavlova, Kubrak, Kochkina 2021; Павлова, Гребенщикова 2020; Гребенщикова, Зачесова, Павлова 2018; Павлова 2020]. Там же представлены некоторые результаты исследования непосредственно постсобытийного дискурса городского форума [Павлова, Гребенщикова, Афиногенова, et al. 2020].

Таким образом, степень научной разработанности именно регионального постсобытийного дискурса невысока. Мы полагаем, что это обусловлено относительной новизной теории постсобытийного дискурса и сложностью исследования значительных объемов материала. Между тем данный тип дискурса широко представлен в виртуальном пространстве и реализуется, насколько мы можем судить, на платформе интернет-сообществ (пабликов) населенных пунктов. Приведем в качестве примера несколько наиболее популярных пабликов г. Курска из социальной сети «ВКонтакте»:

- «Курский БомондЪ» (185 535 подписчиков) [<https://vk.com/kurskbomond>];
- «Типичный Курск» (110 536) [<https://vk.com/kurskkk>];
- «Курск» (69 561 подписчик) [https://vk.com/vk_kursk];
- «ИНЦИДЕНТ|КУРСК» (107 631) [https://vk.com/incident_kursk];
- АВТОКАДР_46 ДТП | ЧП | Аварии | Курска и области (166 009) [https://vk.com/avtokadr_46] и т.д.

Существуют и другие курские интернет-сообщества, в том числе на иных платформах (Instagram и др.). Очевидно, что для данных пабликов характерно значительное количество подписчиков с учетом того, что общая численность населения города на 2021 г. составляла 454 123 человек [<https://rosinfostat.ru/naselenie-kurska>].

Подобные сообщества характерны как для более крупных населенных пунктов, так и для относительно небольших. Общее число таких виртуальных сообществ, территориально привязанных к той или иной местности на территории РФ, затруднительно подсчитать в силу огромного количества населенных пунктов, а также разнообразия социальных сетей. Предположительно, речь может идти о сотнях тысяч.

Таким образом, региональные интернет-сообщества представляют собой чрезвычайно популярный феномен современного виртуального пространства. С учетом важности междисциплинарных региональных исследований, а также роста интереса к современным разновидностям дискурса, мы можем говорить об актуальности изучения постсобытийного дискурса, разворачивающегося на платформе региональных интернет-сообществ.

Мы полагаем, что постсобытийный дискурс региональных пабликов способствует конструированию региональной идентичности. Поскольку данная область представляется чрезвычайно обширной, в первую очередь мы сосредоточимся на изучении лексического наполнения постсобытийного регионального дискурса, в частности на неологизмах.

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что впервые неологизмы рассматриваются в качестве одного из инструментов конструирования региональной идентичности в рамках постсобытийного дискурса.

Необходимо отметить, что термин «конструирование» в настоящее время активно применяется за пределами технического знания, например в социально-культурологических дисциплинах, а именно в контексте конструирования этнической и региональной идентичности [Головнева 2016].

В последующих разделах настоящей работы представлена процедура отбора неологических единиц (с привлечением студентов вуза), проанализированы основные тематические категории полученных единиц и соотнесены с некоторыми составляющими региональной идентичности, в частности с социальной, культурной и коммунально-бытовой идентификацией жителей региона.

2. Материалы и методы

Цель нашего исследования – определить, могут ли неологизмы постсобытийного регионального дискурса являться инструментом конструирования региональной идентичности.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих задач:

– рассмотреть особенности постсобытийного дискурса, составные части региональной идентичности, а также существующие теории неологизации, сделав акцент на современный психолингвистический подход к изучению феномена «новизны» слова как единицы индивидуального;

– обработать единицы, воспринимаемые респондентами как новые/необычные, оценить их частотность и выявить наиболее обширные тематические группы;

– соотнести полученные категории единиц с некоторыми составляющими региональной идентичности: социальной, культурной, коммунально-бытовой идентификацией и др.;

– сделать предварительные выводы и наметить направления для дальнейших научных исследований.

Для решения первой из поставленных задач нами были применены методы теоретического анализа, синтеза и обобщения [Маркова 2017]; так, были рассмотрены основные положения теории постсобытийного дискурса коллектива авторов лаборатории психологии речи и психолингвистики речи в Институте психологии РАН [Павлова, Гребенщикова 2017; Pavlova, Kubrak, Kochkina, 2021; Павлова, Гребенщикова 2020; Павлова, Гребенщикова, Афиногенова, et al. 2020; Павлова 2020; Гребенщикова, Зачесова, Павлова 2018]. Кроме того, были изучены работы, посвященные процессам неологизации и различным подходам к изучению новых единиц [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011; Тогоева 2000, 2019 и др.], а также фундаментальные труды, посвященные психолингвистической концепции А.А. Залевской [Залевская 1990, 2011]. Также подверглись анализу труды, в которых рассматриваются уровни региональной идентичности [Китинг 2003; Назукина 2011].

Базой для отбора нелогического материала, как уже было отмечено выше, послужил самый популярный паблик города Курска – «Курский БомондЪ».

Целью стал отбор материала (единиц, воспринимаемых как новые/необычные) для запланированных далее исследований. Поскольку понятие «новизны» является весьма субъективным [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011], метод отбора материала с привлечением группы респондентов представлялся наиболее целесообразным. Мы исходили из того, что после анализа полученных реакций будут отобраны наиболее частотные (наряду с определенным процентом индивидуальных единичных реакций, обусловленным особенностями функционирования индивидуального лексикона и личным опытом участников).

В процедуре отбора материала принимало участие двадцать студентов-бакалавров очного отделения Курского государственного университета 1–4 курсов (в возрасте от 17 до 21 года включительно).

Респондентам было предложено просмотреть имеющиеся на момент проведения эксперимента комментарии к постам в городском паблике «Курский БомондЪ» за период с 3 по 13 декабря 2021 года. Данная процедура проводилась в 3 этапа, продолжительность каждого составляла около полутора часов. Перед участниками была поставлена следующая задача: выписать те слова/словосочетания, которые показались им новыми/необычными. На данном этапе нами был использован модифицированный метод экспертной оценки; нельзя говорить о его

классической версии [Данелян 2015], поскольку студенты не являются специалистами.

Далее результаты были обработаны; при помощи программы Microsoft Excel был проведен подсчет частотности тех или иных единиц. Таким образом, в дополнение к вышеупомянутым методам был применен метод количественной оценки данных [Верхозин 2013].

Метод классификации [Маркова 2017] был использован при выделении основных категорий наиболее частотных единиц.

При анализе результатов был использован ресурс <https://dic.academic.ru>, содержащий большое количество оцифрованных словарей, энциклопедий, справочников. Данный ресурс необходим для того, чтобы определить, входит ли то или иное слово/словосочетание в словари неологизмов, присутствует ли (и насколько давно) в толковых словарях, энциклопедиях и т.д.

Кроме того, был применен следующий прием: единицы, отобранные наибольшим числом участников, послужили ключевыми словами/словосочетаниями при поиске по всему массиву сообщений рассматриваемого паблика. Мы посчитали необходимым определить, функционируют ли данные единицы и в других постах/комментариях за пределами рассматриваемого изначально временного отрезка (и с какой частотностью).

На этапе соотнесения полученных результатов с некоторыми составляющими региональной идентичности также были задействованы методы обобщения экспериментальных данных, анализа, синтеза и индукции.

3. Результаты

Отметим, что в рамках данной статьи не представляется возможным описать весь полученный нами материал. Будут представлены лишь некоторые наиболее показательные примеры.

В первую очередь необходимо указать, что в бланках респондентов присутствует множество единичных реакций. К таковым относится фамилия действующего губернатора (СТАРОВОЙТ), СЕМАШКО – сокращенное, используемое в быту наименование городской инфекционной больницы, и другие имена собственные. Среди полученных единиц имеются аббревиатуры: ТСЖ = товарищество собственников жилья, ОПГ = организованная преступная группа [<https://dic.academic.ru>]. В число единиц, встреченных однократно, вошли широко известные фразеологизмы (НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ, ГОЛОД НЕ ТЕТКА, пр.). Присутствуют слова иностранного происхождения (например, МАРКЕТИНГ, КОРРЕЛЯЦИЯ, МЕНЕДЖМЕНТ), а также ряд иных разнородных единиц: НЕУСТОЙКА, ДОРОЖНИК, ГАЛИМАТЬЯ, БЕЗДАРЬ, СВАДЕБНЫЙ КОРТЕЖ, РУБРИКА, ЯКОБЫ, СВАСТИКА и пр.

Далее перейдем к описанию слов и словосочетаний, встреченных в бланках неоднократно, с большей или меньшей частотой.

Обширную тематическую группу составляют намеренно искаженные наименования жителей Курска (в том числе в составе словосочетаний) и название самого города: КУРЧАНЕ, КУРЩАНЕ, КУРЯТСК, КУРЧАНСК и т.п.:

– Курчане атакуют. – Устанавливать какие-либо декорации в Курске нужно только в окружении колючей проволоки...

– Курчане это и делают [прим. авт.: ломают декорации]. В отличие от курян...

Указанные единицы также встречаются в сообщениях за пределами рассматриваемого временного периода: КУРЧАНЕ – 2268 упоминаний; КУРЯНОПИТЕКИ – 10; КУРЧАНСК – 428 и др.

Переходя к следующей тематической группе, отметим, что весьма частотны КУАР(-)КОД и QR-КОД, а также производные от них: КУАРКОДЩИКИ, КУАРИТЬСЯ, КУАРКОДИРОВАННЫЕ и др. Кроме того, присутствуют и другие намеренно искаженные единицы, в которых явно просматривается отсылка к QR-кодам: КУРИНЫЙ (-ЫЕ) КОД (-Ы), КУ(-)КОД(Ы). В целом рассматриваемую подгруппу можно отнести к более широкой (и довольно популярной) «ковидной» тематике. К ней же относятся и другие слова/словосочетания: АНТИВАКСЕРЫ, ВАКСЕРЫ, ВИРУСОЛОХ, АНТИПРИВИВОЧНИКИ, УКОЛОТЫЕ, пр.:

Ряд единиц данной категории частотен и за пределами выбранного временного отрезка: АНТИВАКСЕР (АНТИВАКСЕРЫ) – 154; ВАКСЕР (ВАКСЕРЫ) – 49; УКОЛОТЫЙ (УКОЛОТЫЕ) – 156 и т.д.

В рамках данной работы также считаем необходимым рассмотреть неологизмы, имеющие отношение к коммунальному хозяйству, а именно к ПАО «Квадра-Курская генерация». Большинство респондентов указало в анкетах единицу «ЛГБТ КВАДРА». Кроме того, присутствует вариант «ЛГБТ КОБРА КУРСКАЯ-ДЕГЕНЕРАЦИЯ»:

– Перекальского сидит без горячей воды и отопления сейчас с обеда. Что опять лгбт Квадра устроило?

Сочетание ЛГБТ КВАДРА весьма частотно в материалах публика: результаты поиска показывают 82 упоминания.

Негативные посты (и последующие обсуждения), посвященные деятельности вышеупомянутой организации, появляются регулярно; например, за период с октября по декабрь 2020 г. – 24 раза.

4. Обсуждение

Изучив работы, посвященные процессам неологизации и разнообразным трактовкам понятия «неологизм», мы в большей степени опираемся на психолингвистическую теорию, согласно которой под неологизмами понимаются языковые единицы, ранее не встречавшиеся в индивидуальном речевом опыте носителя языка [Тогоева 2000].

На этапе отбора материала мы учитываем и субъективное ощущение «новизны» слова [Cabré 1999; Pruvost, Sablayrolles 2003].

Полученные нами единичные реакции, по всей видимости, обусловлены как лингвистическим, так и экстралингвистическим опытом участников эксперимента. Так, фамилия губернатора может быть неизвестна студентам, приехавшим на учебу из другой области или же совершенно не интересующимся политикой. Широко известные фразеологизмы могут постепенно забываться, отходя на периферию индивидуального лексикона, если человек не сталкивается с ними при чтении и т.п.

Единичные реакции, представляющие собой имена нарицательные, существуют относительно долго, не являются объективно новыми с точки зрения лингвистического подхода и могут быть найдены в большом количестве справочных изданий, собранных на ресурсе [<https://dic.academic.ru>]. Однако они же могут считаться неологизмами с точки зрения психолингвистического подхода. В то же время такие единицы, по всей видимости, не являются показательными при изучении региональной идентичности.

Мы полагаем, что необходимо сосредоточиться на словах и словосочетаниях, которые были отобраны как новые/необычные большим числом участников и встречаются в этих и иных материалах публика с большей частотой. По всей видимости, именно такие единицы в первую очередь могут быть рассмотрены в качестве инструмента конструирования региональной идентичности.

Следует отметить, что мы соотносим выделенные категории с некоторыми тематическими направлениями региональной идентификации, выделяемыми О.И. Асташовой: экономическим, социальным, спортивным, природным и др. [Асташова 2019], внося изменения и дополнения.

Искаженные наименования города и его жителей обычно встречаются в негативном контексте, например, когда комментаторы обсуждают вандализм на украшенной к праздникам Театральной площади.

По мнению комментаторов, определенная часть горожан отличается низким культурным уровнем, склонностью к вандализму, агрессивному поведению и т.д., причем речь идет о довольно распространенном явлении. Просматривается резко негативное отношение к ним со стороны других местных жителей, противопоставляющих себя рассматриваемой категории (и в некоторых случаях жителей других регионов, также являющихся подписчиками публика). Налицо противопоставление «мы – они». Соответственно, неологизмы могут способствовать конструированию социальной и культурной идентификации.

В целом приобретение внутреннего «самоназвания» типично для процесса построения региональной идентичности (например, «Кубань» вместо «Краснодарского края», «Вятка» вместо «Кировской области»)

[Назукина 2011]; но особенностью материалов рассматриваемого нами фрагмента постсобытийного регионального дискурса является резко негативная окраска таких наименований.

Переходя к обширной тематической группе неологизмов пандемии, отметим следующее: представленные в данной группе единицы также обладают отрицательной коннотацией и свидетельствуют о резко негативном отношении некоторой части жителей региона к прививкам, введению QR-кодов, другим эпидемиологическим ограничениям, а также о том, что авторы таких сообщений не верят в серьезность ситуации, опасность коронавируса и др. При этом присутствует и критика подобной точки зрения.

В целом при анализе этой группы неологизмов достаточно трудно сформулировать тематическую направленность идентификации. Посты с подобными единицами говорят о гражданской позиции, определенных взглядах на то, как должна (или не должна) работать система здравоохранения и пр., какие меры являются правильными или же, напротив, неверными, нежелательными. Вероятно, мы можем говорить об идейной идентификации в условиях пандемии Covid-19. С учетом того, что неологизмы данной категории маркируют в том числе конфликтное противостояние, противопоставление «мы – они», здесь также представляется возможным говорить о социальной идентификации.

Далее перейдем к неологизмам, связанным с функционированием местного коммунального хозяйства. Насколько мы можем судить, ремонт теплосетей, проводимый данной организацией излишне часто, долго и некачественно, является одним из «больных» вопросов региона. В вышеприведенных примерах, несомненно, просматривается отрицательная коннотация.

Подобные единицы не только отражают типичные проблемы региона и отношение к ним местных жителей, их настрой; по сути дела, они создают обобщенный гипертрофированно-негативный образ (проблемы существуют, однако объективно организация в той или иной степени выполняет свои обязанности, что не учитывается участниками обсуждения).

Мы считаем, что в данном случае уместно ввести понятие коммунально-бытовой идентификации, средством конструирования которой могут являться обсуждаемые новообразования.

В целом, при анализе полученных результатов мы можем отметить следующую тенденцию: большим числом неологизмов маркируются актуальные и волнующие местное население события (как правило, негативные, нежелательные). Создается впечатление, что количество новообразований во многих случаях пропорционально степени недовольства, возмущения, агрессии и иных негативных эмоций.

Как отмечает коллектив авторов лаборатории психологии речи и психолингвистики речи в Институте психологии РАН, развертывание постсобытийного дискурса в целом неразрывно связано с оценочным осмыслением; при этом преобладает именно негативная оценочность [Павлова 2020]. Таким образом, региональный постсобытийный дискурс, по всей видимости, не является исключением; и неологизмы – это одно из средств создания негативной оценочности.

Соотнося полученные результаты с классификацией уровней региональной идентичности М. Китинга [Китинг 2003], мы видим, что вышеупомянутые единицы в большей степени относятся к когнитивному уровню (осознание существования региона, сравнение его с другими, нахождение ключевых характеристик) и эмоциональному (способ восприятия людьми своего региона).

Подводя итог, отметим следующее: поскольку различные направления идентификации, маркированные рассматриваемыми неологизмами, являются составными частями региональной идентичности, возможно говорить о том, что неологические единицы способны служить одним из инструментов конструирования региональной идентичности.

5. Заключение

В ходе проведенной нами работы были изучены научные труды, посвященные разным подходам к разработке проблем неологии, а также некоторым особенностям постсобытийного дискурса.

Завершая первый этап исследования, мы можем сделать следующий вывод: единицы, воспринимаемые значительной частью респондентов в качестве новых и необычных, многочисленны и присутствуют в материалах паблика в том числе за пределами выбранного временного отрезка. В число наиболее обширных тематических групп входят:

- 1) специфические наименования города и его жителей;
- 2) неологизмы, которые связаны с пандемией и противоэпидемиологическими мерами;
- 3) неологизмы, относящиеся к проблемам коммунально-бытовой действительности.

Учитывая, что вышеперечисленные единицы соответствуют разным составляющим региональной идентичности (культурной, социальной, коммунально-бытовой идентификации), мы можем утверждать, что неологизмы действительно могут служить одним из инструментов конструирования рассматриваемой идентичности.

Полученные нами данные возможно использовать для дальнейших исследований. Наиболее частотные единицы могут быть предложены в качестве стимулов при проведении серии экспериментов (метод свободных ассоциаций, прямые дефиниции и др.). Кроме того, рассмотренные слова и словосочетания будут применены в качестве ключевых при поиске в других региональных пабликах. Возможно, при изучении материалов

«Курского Бомонда» за другие периоды сформированные тематические категории будут расширены; мы предполагаем также, что могут быть добавлены новые группы единиц.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования результатов в курсах лекций, семинаров по лингвистике, психолингвистике, социолингвистике. Материалы также могут применяться для идентификации региональных проблем и их решения.

Библиографический список

Асташова О.И. Уральская идентичность в региональном медиадискурсе // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: IV Междунар. науч.-практ. конф. Сборник научных статей. 2019. Ч. 1. С. 154–159.

Берендеев М.В. Методологические основания исследования идентичности регионального социума (на примере Калининградской области) // Социология образования. 2007. № 7. С. 51–57.

Василенко И.В. Культурный дискурс в региональном медиаполе: лингвистические параметры: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Яра Мудрого, 2015. 224 с.

Верхозин С.С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 145–150.

Галазова С.С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономика и управление. 2014. № 6 (115). С. 64–69.

Головнева Е.В. Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) // Уральский исторический вестник. 2016. № 3(52). С. 43–51.

Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А., Павлова Н.Д. Современные представления о понятии «Дискурс» в психолингвистических исследованиях // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 239–254.

Данелян Т.Я. Формальные методы экспертных оценок // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 1. С. 183–187.

Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Иваново: ИГУ, 2011. 24 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Издание Воронежского университета, 1990. 207 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Зачесова И.А., Кулакова П.П. Интенциональное содержание постсобытийного дискурса семейных форумов в интернете // Евразийское научное объединение. 2019. № 6-5 (52). С. 344–346.

Ильина О.В. Региональная идентичность жителей Татарстана в дискурсе СМИ // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. 2020. С. 467–468.

Каблуков Е.В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. 2018. № 3. С. 23–29.

Каминская Т.Л. Региональная идентичность и выборы: медиадискурс // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом». Белгород: ИД «Белгород». 2016. С. 36–41.

Китинг М. Новый регионализм в западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 93.

Кошель П.В. Жанровая характеристика интернет-комментария (на материале франкоязычных научно-популярных блогов): автореф. ... дисс. Канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: автореф. ... дис. д-ра географ. наук. М., 2007. 53 с.

Кубрак Т.А. Постсобытийный кинодискурс: понятие, функционирование, анализ случая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 600–617.

Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446–453.

Маркова Е.С. Методология и методы научных исследований. Липецк: НОУ ВО ЛЭГИ, 2017. 125 с.

Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. ... дис. канд. полит. наук. Пермь, 2009. 27 с.

Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология. 2011. № 4(77). С. 13–19.

Павлова Н.Д. Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 16–26.

Павлова Н.Д. Новая дискурсивная реальность: дискурсивный подход к изучению психологических процессов в интернет-среде // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Институт психологии РАН, 2020. С. 697–705.

Павлова Н.Д., Гребенищикова Т.А. Интент-анализ постсобытийного дискурса в интернете // Психологические исследования. 2017 [Электронный ресурс]. Т. 10. № 52. С. 8. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2021).

Павлова Н.Д., Гребенищикова Т.А. Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приемы воздействия // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. №. 1. С. 138–148.

Павлова Н.Д., Гребенищикова Т.А., Афиногенова В.А., Зачесова И.А., Кубрак Т.А. Интенциональное пространство постсобытийного дискурса на различных интернет-площадках // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 78–91.

Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука». 2011. 168 с.

Разумовский В.М. Современные проблемы регионалистики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 4(64). С. 125–130.

Романтовский А.В. Коммуникация в интернет-форумах дискурс проблематизации (на материале интернет-комментариев к статьям электронных СМИ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 22 с.

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 23 с.

Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: Монография. Тверь: Твер. гос.ун-т, 2000. 155 с.

Тогоева С.И. Пространственно-временные ориентиры: новизна слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 52–63.

Тумакова К.Е. Социальные факторы формирования региональной идентичности в условиях современной России: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева». Пенза, 2011. 25 с.

Шпильная Н.Н. Стратегии речевой манипуляции в обыденном виртуальном дискурсе (на материале читательских интернет-комментариев) // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: В 2-х томах. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2021. Т. 2. С. 153–162.

Шушарина Г.А. Дискурс-анализ региональной идентичности. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-2(53). С. 70–72.

Шушарина Г.А. Языковая актуализация региональной идентичности (на материале Интернет-ресурсов) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1. № 4. С. 224–232.

Bleam M.R. Unbounded place meanings and embodied place identities for conservation volunteers in Scottsdale, Arizona // *Journal of Environmental Psychology*. 2018. Vol. 56. P. 76–83.

Cabré M.T. Terminology: Theory, methods and applications. John Benjamins, 1999. 247 p.

Paasi A. Region and place: regional identity in question // *Progress in Human Geography*. Vol. 27. № 4. 2003. P. 475–485.

Paasi A. The Resurgence of the ‘Region’ and ‘Regional Identity’: Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics in Europe // *Review of International Studies*. Vol. 35: Globalising the Regional, Regionalising the Global. Cambridge University Press. 2009. Pp. 121-146.

Pavlova N.D., Kubrak T.A., Kochkina O.M. Post-Event Internet Discourse and Its Peculiarities in the Context of COVID-19 Pandemic // *Вопросы психолингвистики*. 2021. №1(47). С. 62–75.

Peng J., Strijker D. and Wu Q. Place Identity: How Far Have We Come in Exploring Its Meanings? // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.00294/full> (дата обращения: 12.12.2021).

Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les neologisms. Paris: Presses Universitaires de France, 2003. 127 p.

Список источников

- [<https://dic.academic.ru>] (дата обращения: 25.12.2021)
- [<https://rosinfostat.ru/naselenie-kurska>] (дата обращения: 25.12.2021)
- [https://vk.com/avtokadr_46] (дата обращения: 20.12.2021)
- [https://vk.com/incident_kursk] (дата обращения: 25.12.2021)
- [<https://vk.com/kurskbomond>] (дата обращения: 20.12.2021)
- [<https://vk.com/kurskkk>] (дата обращения: 25.12.2021)
- [https://vk.com/vk_kursk] (дата обращения: 23.12.2021)